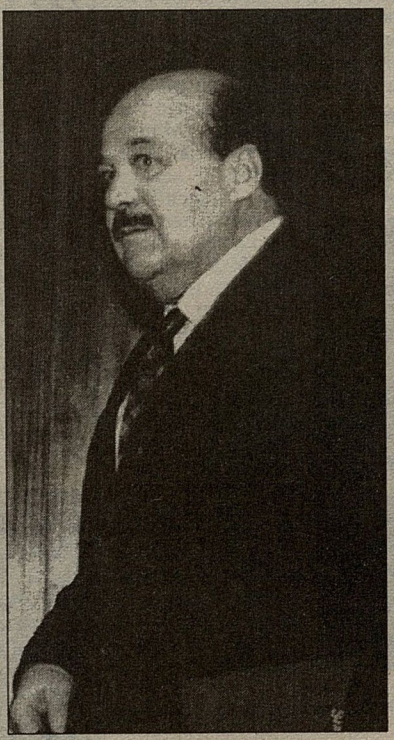
КАЛЯГИН ПРЕДЛАГАЕТ ЖИТЬ ДРУЖНО

Председатель Союза театральных деятелей уверен, что ему удалось сохранить многое из того хорошего, чем славилось Всероссийское театральное общество

На сцене театра «Et cetera» 20, 22 и 23 апреля пройдут премьерные показы спектакля «Шейлок» (совместная постановка театра и Российского государственного театрального агентства Давида Смелянского). Загодя премьере был обещан успех, поскольку художественный руководитель театра Александр Александрович Калягин пригласил к сотрудничеству великую грузинскую тройку – пьесу Шекспира «Венецианский купец» ставит Роберт Стуруа, сценограф спектакля – Георгий Алекси-Месхишвили, композитор – Гия Канчели. Но интервью посвящено в основном другим заботам Калягина, который, как известно, не только артист (в спектакле он сыграет заглавную роль), педагог и художественный руководитель театра, но и председатель Союза театральных деятелей. В силу обстоятельств это первое интервью Александра Калягина, данное корреспонденту «НГ» Григорию Заславскому. «Обстоятельства» дали себя знать в самом начале встречи. Не дожидаясь вопроса, Александр Калягин расстегнул свой «органайзер» и вынул оттуда сложенный листок, на котором была распечатана заметка из Интернет-версии «НГ» (в газете она не вышла). В ней, в частности, рассказывалось о слухах, согласно которым Калягину будто бы в скором времени будет передано в хозяйственное ведение здание на Новом Арбате, 11, где сейчас размещается театр «Et cetera» (в просторечии этот дом, как и соседние по Новому Арбату, именуют «книжкой»).



Александр Калягин.
Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

Григорий Заславский

– МНОГО добрых людей, зная, что мы с тобой в нормальных уже отношениях, хотят ну не то чтобы... ну, как говорил **Горбачев**, – подбросить... Все, что я сделал для театра, случилось до моего председательского места. Статус московского театра, место на Арбате. Место это я завоевал через **Владимира Ресина**... Не завоевал, а просил, умолял, чтобы не выгоняли, и т.д. **Ресин** разрешил репетировать в этом безобразном холодном помещении с описанными стенами с разводами зелеными, где над сценой висел герб Москвы. И больше ничего. Там находилась строительная организация и два-три раза проходили совещания ветеранов труда, им вручали там награды. **Ресин** в ответ на мои мольбы пустил нас туда. Я понял, что другого мне не предложат. Нам ведь предлагали и кинотеатр «Киев», но я все считал, что лучше подождать... Короче говоря, все, что я получил, или завоевал, или доказал, – было до моих председательских дел.

Делать невинное лицо и говорить, что председательское место не помогает, я не буду. Помогает. Но в чем? В том, что не сразу посылают, а каким-то завуалированным образом. На нас смотрят, на всех – на меня ли, на **Табакова** ли, на **Яшина** – смотрят все равно как на людей нищих. Ну, художник, естественно, придет – что он будет делать? Просить. Не разговаривать, а просить. Правильно ведь? Я одно время даже возмущался, почему художники, особенно руководители театров, руководители разных выставок тусуются. Может быть, для них это вообще противоестественная форма существования, но они это вынуждены делать, потому что авось встретят там того самого банкира, который будет добр, поможет, будет зацепочка...

– Как говорит один известный режиссер своей жене: «Это – работа».

– Да. Нас поставило в эту ситуацию государство. И **Ельцин** заигрывал с нами, и **Путин** будет заигрывать. Это всегда было, это не значит, что властью мы должны пренебрегать или с нею не говорить. С властью надо жить хорошо, но не отдавать своего куска и не делаться совсем уж рабом власти... Поэтому я хочу сказать, что, когда люди прочтут, что вот Калягин получает все здание, они ведь подумают: ах ты, сволочь...

Ведь у нас почти нет помещений, которых бы не видел зритель. Мы ни метра не можем сдать, поэтому у нас замдиректора негде сидеть, лишняя площадь нам необходима как воздух. Не для того чтобы сдать ее, а хотя бы под мастерские, нам негде хранить декорации. Абсолютно негде. Сейчас **Стуруа** с **Месхишвили** придумали декорацию, мы не знаем, куда ее ставить, во что ее вонзать, куда девать декорации к другим спектаклям... Как менять вообще спектакли, если сегодня – один, а завтра – другой, как это принято в репертуарном обычном театре. Или – теперь уже все и всегда в бархате играть?.. Тоже немыслимо. Поэтому реконструкция театра должна произойти, но как ее пробить, как найти эти миллионы...

– Вы так активно ввязались в политическую жизнь, поддерживали «Отечество»...

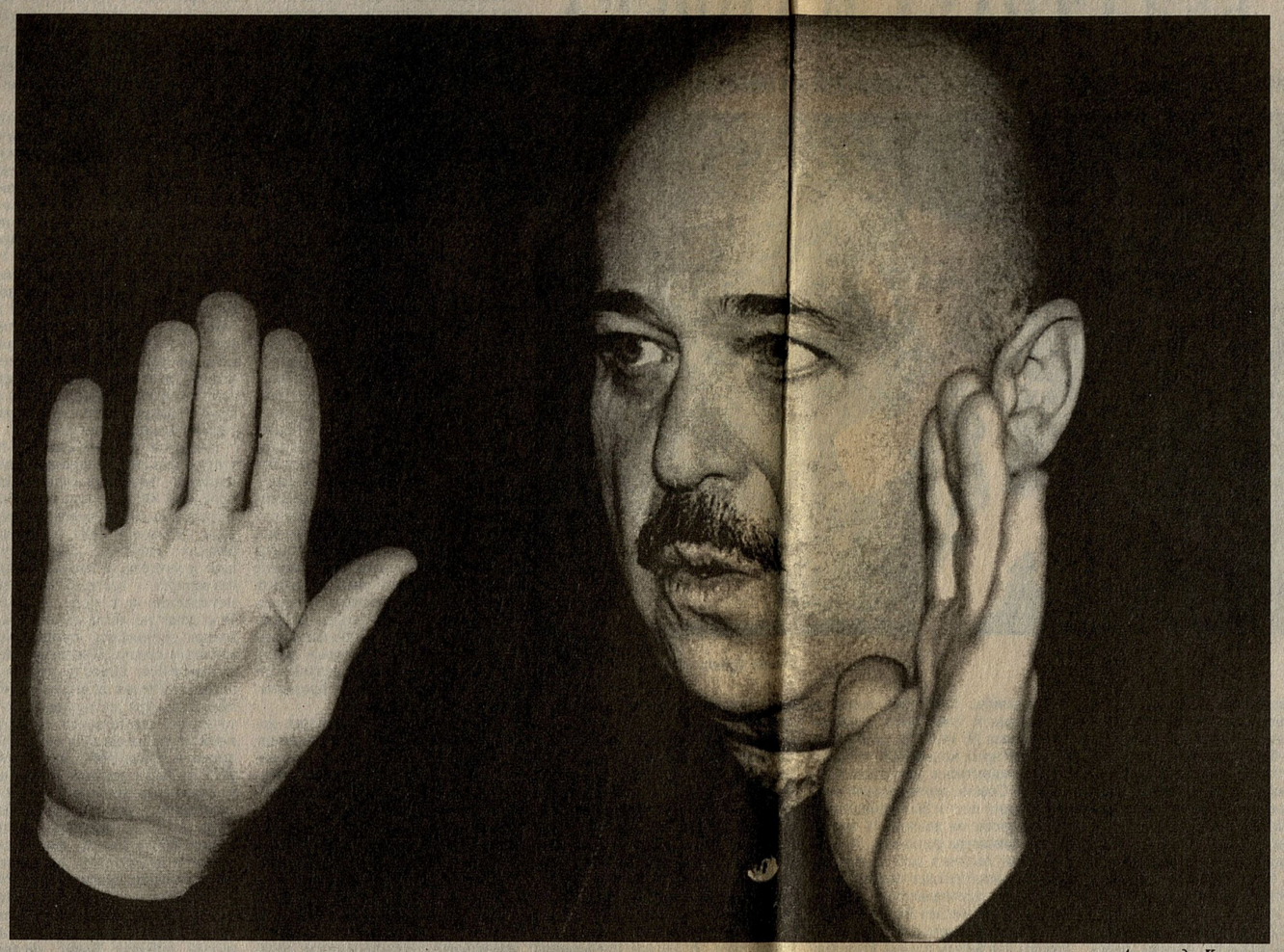
(Окончание на стр. 11)

59

Калягин Александр 13.4.00.

Независимая газета

(Окончание. Начало на стр. 9)



Александр Калягин.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

КАЛЯГИН ПРЕДЛАГАЕТ ЖИТЬ ДРУЖНО

– Я поддерживал «Отечество», сама организация мне не представлялась чем-то завершенным, в ней не было законченности – ну, как, скажем, в Компартии, где все понятно, даже и с ЛДПР все понятно, – как я рассуждал своими примитивными мозгами о политике... С «Отечеством» было ясно, что лидер – **Лужков**, и все руководители московских театров благодарны **Лужкову**, это действительно так, эту модель взаимоотношений мэрии и театров многие взяли в регионы как образец. Это не значит, что в Москве не покушались на наши права, все время покушались, но **Лужков** нас все время защищал... Другое дело, что идет параллельное сокращение субсидий на постановки у всех, и так далее. Но безотносительно – я всегда буду благодарен **Лужкову** за его отношение к театрам. Несмотря на то что Союз театральных деятелей России – общественная организация федерального уровня, и по документам, и по моему разумению (сегодня я председатель, завтра – другой будет, у меня же с мозгами все нормально, и я не собираюсь к этому креслу прирастать, как гриб), недвижимость Союза расположена в основном в Москве. Ее не дал разбазарить в свое время **Ульянов**, сейчас я каким-то образом пытаюсь защищать. Другое дело – с этой недвижимостью надо работать, за счет этого мы какие-то социальные и творческие программы снабжаем деньгами – журналы «Театр», «Театральная жизнь»... Это все я рассказываю, чтобы было понятно вам и всем, почему Союз театральных деятелей будет поддерживать мэра, в данном случае **Лужкова**, который действительно понимает нужды театра.

Театры все в нищете. И у нас денег нет, никого не могу пригласить. А тут спрашивают: почему театр не растет и актеры не растут? **Морфова** пригласил – пришлось добывать деньги через спонсоров, умолять. Чтобы пригласить **Стуруа** и всю его грузинскую команду, конечно, нужны деньги. В прошлом сентябре появился спонсор – «Банк Москвы». Я им безмерно благодарен. Мои молодые актеры получали тысячу триста рублей, сейчас появилась возможность им доплачивать. Можно теперь ремонтировать декорации, что-то оплатить режиссерам, которых я приглашаю. Я могу это сделать за счет спонсорских средств. Все, что сейчас делает **Стуруа**, – на деньги «Банка Москвы», что и будет зафиксировано в программке.

– Есть тема, о которой у нас писать не то чтобы не принято, но никогда, кажется, и никто еще не рассматривал крупных наших актеров, руководителей театров в контексте их политической деятельности. Между тем если бы наши рейтинги учитывали все факторы, то в списке профессиональных лоббистов, мне кажется, неминуемо появились бы некоторые актеры. Например, Александр Калягин. Или – Олег Табаков. В силу той или иной близости к власти и, скажем так, вхожести имевшие случай для продвижения тех или иных проектов. В разные годы разные театры выполняли роль своего рода закрытого клуба, где после «случайной» встречи можно было посидеть и обсудить какие-то важные вопросы и так далее. Вы никогда не чувствовали себя таким вот политическим лоббистом?

– Чтобы политически что-то лоббировать, я думаю, нужно совершенно иное ощущение – наверное, финансового рюкзака за спиной. Дай мне бог пролоббировать какие-то наши мелкие вопросы. Времени заниматься еще и каким-то политическим лоббированием – хотя этого в принципе нет – не остается. А чего мне лоббировать? Я с иронией и мудростью – со своей, конечно, мне отпущенной мудростью – отношусь к власти. Как можно что-либо в России политическое лоббировать, когда каждые полгода мы кого-то выбираем и такая густая лапша под эти выборы развешивается, особенно деятелями культуры, которые и живут надеждой, живут ощущением, что что-то изменится? Но ничто не меняется. Лоббировать что-то можно только в этот очень короткий отрезок, когда кому-то новому надо избраться.

– Неужели никто не приходил к вам с предложением, например, помочь с открытием двух новых месторождений чего-то (благо у нас много всяких залежей), одно бы назвали в вашу честь Калягинским, а другое уж – по имени инвестора?

– Гриша, пока не было. Я бы с удовольствием принял такое заманчивое предложение, обеспечил бы семью до конца, акции предприятия бы какого-нибудь приобрел. Пока никто не предлагал, хотя идея хорошая.

– Как вы сегодня относитесь к «Золотой маске»? Спрашиваю, поскольку – надо напомнить читателям – чуть ли не первое ваше председательское обещание было разобраться со злоупотреблениями в «Золотой маске», обещали вы и собрать новый профессиональный экспертный совет. Прошло время, оказалось, что финансовых злоупотреблений нет, а члены прежнего экспертного совета получили на дом письма с вашими извинениями. Я это письмо тоже храню.

– Было, было. Я молодой, неопытный пришел, сразу обрушилось это на меня, показалось, что тут – запах коррупции. Сейчас я реагирую на все спокойнее. «Золотая маска» живет по своим законам, год на год все равно не приходится, есть живой сезон, есть – мертвый или пустой, но это не значит, что надо все отменять... «Оскар» же не отменяют. Там уже своя сбитая организация, и я завидую искренне энергетике **Боякова**: сбивать каждый год афишу, не дать потухнуть этому делу, – это же и финансовая, и творческая организация. Критик критикует, но проходит год или два и видишь, что премию дали по справедливости. Ошибок с точки зрения вклада в искусство театра – катастрофических – я не видел.

– Но с женщинами-то в прошлом году, когда экспертный совет премии отказался предложить хотя бы одну кандидатуру на «Лучшую женскую роль»?

– Ну, это да, это эксперты «отмочили». Я выступал перед ними, говорил, что такого быть не может, чтобы во всей России не было ни одной хорошей женской роли! Но они, как бывает в таких случаях, пошли на принцип, закусили удила...

– Когда вы приходили в СТД, вы не раз повторяли, как важно будет для вас объединить театральное пространство. Сегодня театральное пространство остается разорванным. Может быть, это не от вас исходит, и я надеюсь, что не от вас, и думаю, что это так, но для Союза театральных деятелей – его руководства – есть свои театры, есть чужие...

– Например?

– Есть известные режиссеры, руководители театров, которые говорят, что они с СТД дел не имеют, что они сюда не ходят. Взносы платят, и тем их «контакты» ограничиваются. Среди этих театров – «Современник», доронинский МХАТ, Малый театр... Как вы к этому относитесь?

– Как ты думаешь, я человек конфликтный?

– Но рядом с вами, может быть, стоят конфликтные люди?

– Гриша, я клянусь, и это не пустые слова, я готов встать на колени перед художественным руководством Малого театра, доронинского МХАТа... Доронина действительно великая актриса.

– Вам приходилось встречаться с нею – уже после того, как вы стали председателем СТД? Мне кажется, важно, чтобы и она не чувствовала какой-то озлобленности со стороны СТД...

– Встречались однажды. На обсуждении закона о театре. Я услышал от нее, что СТД – организация ужасающая, плохая, что я в лучших традициях **Ульянова** действую. Я выслушал все, потом вынужден был уйти... Я готов с ней встретиться, может быть, отчасти руки не доходят... Когда говорят так: СТД – ужасающая организация, мне трудно уже разговаривать. Все-таки эта фраза, может быть, она и смешная, и идиотская – «Ребята, давайте жить дружно!» – но какой-то бог меня однажды надоумил и сказал: ну, озвучь ты этот мультфильм. Эта фраза моим голосом передала, быть может, существо мое, я неконфликтный человек, притом что я не выношу, чтобы меня унижали, при всем разном, в принципе я не хочу ссориться. Когда ко мне доброжелательны, мне кажется, я становлюсь лучше и даже талантливее. Поэтому не забывай, что есть и другая сторона. Малый театр – академия, извини меня, где работает моя жена, – как я могу плохо относиться к этому театру? Как я вообще могу плохо относиться к какому-либо театру – пусть все цветы цветут. Как я могу относиться плохо к «Современнику», к **Галине Борисовне Волчек**, вчера смотрел «Три товарища», целовались, миловались, все чудно... Но у нее какое-то предубеждение, она говорит, пока в СТД есть какие-то люди, Саша, я ногой не ступлю... Говорит она мне, который приходил к ней мальчишкой, и она меня – вместе с **Ефремовым** – принимала в театр. Какое бы я положение ни занимал, все равно она – мой учитель, я рос на ее спектаклях. Как я могу к ней плохо относиться, как я могу к «Современнику» плохо относиться? Не забывай еще, что есть отчасти предвзятое отношение, есть отчасти шлейф каких-то отношений, наносов, слухов. Если говорить о **Дорониной**, то это скоре всего связано с разделом МХАТа, с какими-то письмами. Хотя, может быть, я не прав. Может быть, она считает, что Калягин, заняв председательское кресло, совсем закрутит гайки по отношению к доронинскому МХАТу, – но это совсем уже досужие домыслы...

Мы же зависим от жизни, Союз зависит от жизни, от общей финансовой ситуации. Я вот попросил, чтобы мне подготовили справку о том, что сделано за эти три года, а что не сделано. Жестокие вещи! Резко понизилась информированность СТД о происходящих на местах процессах, бюджет СТД не позволял направлять на места критиков для обсуждения премьер и итогов сезона... Вот эта болезнь меня мучает. У нас нет денег на гонорары критикам, чтобы они могли ездить в провинциальные театры. Сейчас мы, правда, повысили расходы на так называемую творческую работу: в 97-м году 289 тысяч выделяли, а в этом выделили 719 тысяч. Возобновляем лаборатории, семинары – в Екатеринбурге, Челябинске, Перми... Я не хотел бы, чтобы интервью получилось сухим, я бы говорил, конечно, о другом. Но если говорить о финансовом положении Союза, то недвижимость, которая сейчас работает и за счет которой мы живем, приносит с каждым годом все меньше и меньше денег. Мы создали экономический совет, надо придумать, как работать с этой недвижимостью, что нового сделать. Построить ли что-нибудь в Братцеве, что-то сделать в Доме ветеранов сцены...

– Правда ли, что совершенно отменены скидки в дома творчества для членов СТД?

– Нет, конечно. На 2000 год только в Ялту будут путевки по себестоимости. В прошлом году не было скидок в Мисхоре, а в этом мы их восстановили. Руза работает, во все подмосковные дома творчества – путевки со скидками. Надо думать, что делать дальше. Оставить десять средних или, условно говоря, три «четырехзвездочных», два «двухзвездочных», а с остальными расстаться, или ничего не делать, оставить все в таком же плохом состоянии, как есть: телевизора нет, паркет вываливается... Но это будет секретариат решать. В Рузу, например, люди мало ездят, а нам все равно приходится платить за аренду, за кочегарку, за пятое-десятое.

– Но в принципе вам удалось сохранить льготы, которые были для членов СТД, или объективные условия заставляют с чем-то расстаться?

– Когда я пришел в СТД, сел в это кресло, первым делом мне пришлось принять самое непопулярное решение – все его принимали, но я был ответственным для него: мы сняли льготы по путевкам, потому что положение было катастрофическое. Но на будущий год обещали все восстановить. И восстановили. Люди, молодые особенно, часто задают вопрос – зачем нам Союз театральных деятелей? Молодому, может быть, и не нужен. А взрослому человеку важно, что СТД дает скидки, льготы. Во-вторых, что немаловажно особенно для москвичей, – это поликлиника. Уровень аппаратуры – высочайший, что-то, правда, платное стало, за что-то мы категорически боремся, чтобы осталось бесплатным. Поликлиника держится на прекрасном уровне...

– Вы, наверное, не ходите в эту поликлинику...

– Хожу.

– В последнее время не покидает ощущение, что членов СТД в поликлинике ссылают в некую резервацию, где для них оставлен какой-то небольшой список бесплатных услуг, а рядом действительно – все разрастается ввысь и вширь, и оборудование все более новое, но – не для членов СТД...

– Наступают на права.

– Не при вас строилась поликлиника, не при вас заключался договор, но ведь строилась поликлиника СТД, а когда построили, выяснилось, что членам СТД в ней достался маленький закуточек... Я очень хотел поговорить об этом с господином Ройтбергом, который возглавляет АО «Медицина», он отказался.

– Сейчас мы собираемся подписывать новый договор. Оборудование в поликлинике – лучшее, швейцарское, немецкое. 8 тысяч членов СТД должны там лечиться, по каждому вопросу мы вновь решаем, идет борьба за каждый пункт. Но неотложная помощь есть, за исключением субботы и воскресенья. В выходные – платная, но лечим мы бесплатно. Если человек ложится в стационар, он лечится бесплатно. Мы восстановили прибавку к пенсии. Члены СТД старше 77 лет получают 264 рубля ежемесячно, участники войны – 300, и возрастную планку мы все время снижаем.

– Вы думаете, что контролируете финансовое положение СТД?

– Я обязан его контролировать. И все знать... Никогда не говори «никогда» – я помню об этом. Если я что-то подписываю, то по крайней мере знаю, о чем речь. Честно говоря, я боюсь таких вопросов. Как в театре – я уверен, а там – как оно повернется...

– Я не обещаю выложить сейчас нечто резко опровергающее ваши слова. Но вот, например. Несколько лет назад часть помещений библиотеки СТД была передана банку «Столичный». Библиотеку потеснили. Но банка этого давно уж нет, и даже вкладчики успели утереть слезы, а помещение библиотеке вернули?

– Я не в курсе. Сейчас я позову **Захарова** (первый заместитель председателя СТД РФ. – Г.З.). Мне самому интересно.

В. ЗАХАРОВ: Сейчас там сидят турфирма и страховое агентство «Спасские ворота», банк распался в начале прошлого года, и полгода Театральный фонд не мог найти нового арендатора.

– А вот ночной клуб «Сириус», ресторан «Шекспир» – есть ли хоть какая-то выгода от этих квартиросъемщиков? И нет ли опасности, что со временем они, как та лиса из русской сказки, выселят из этого особняка и сам Союз театральных деятелей?

В.З.: Нет, им же сдали помещения в аренду, есть договоры, сдано все по закону. Все здания отданы СТД в безвозмездную аренду на 99 лет государством, СТД вынужден жить, поэтому как-то приспосабливаемся... Мы здесь хотели сделать выставочный зал, медицинские корпуса, но после 6 часов здесь – мертвая территория, и «Сириус» этот тоже никому не нужен. Я не хочу сказать, что все идеально с «Шекспиром», но они платят аренду.

– Говорят, что там закрытый гей-клуб...

В.З.: Нет, про гей-клуб говорят как раз о «Сириусе».

– Там же вроде бы стриптиз как раз?

В.З. Да ничего там этого нет уже, они поменяли все, к ним очень плохо ходит народ, к сожалению. И нам от этого тоже плохо. Здесь же в 6 часов все вымирает. А ресторанов много.

– А строительство культурного центра СТД здесь, во дворе на Страстном, как-то движется?

– Пока нет. Нас сильно подкосило 17 августа. Фактически нулевой цикл сделан, все коммуникации подведены. Сейчас будет как раз совещание по культурному центру. Проблема одна: надо найти инвестора, который будет хорошо платить. Инвестор может подключиться за счет своей доли, которую он получит в готовом здании. Что-то сейчас вроде бы наклевывается. И правительство Москвы хочет нам помочь, потому что стройка стоит в самом центре уже много лет, место хорошее и для нас оно было бы удобно. Мы ведь и зал собирались сделать, **Олег Шейнцис** придумал для зала замечательное оформление... Но средств нет. Были, но ломалась страна, финансовая система рушилась, вся «пирамида» наша разрушалась.

– Есть несколько легенд или не легенд – мне как раз хочется внести в эти вопросы ясность. Касаются эти легенды финансовых отношений СТД с тремя разными организациями – с галереей «Актер» на Тверской...

– Галерея «Актер»?

– Бывший Дом актера. Будто бы существует некое закрытое акционерное общество, в которое вошла вся верхушка бывшего СТД, в том числе и сам Михаил Александрович Ульянов. Что касается Центра имени Мейерхольда, то, согласитесь, все же странно, что бедный или даже нищий Союз, которому не хватает средств на лишнюю командировку критика в дальний регион, имеет такого вот богатого «подчиненного» в своем штате. И есть ли какие-либо отношения между СТД и Домом актера?

– В Галерее «Актер» – там, клянусь, ничего у нас нет. Абсолютно. Это – слухи. Я вообще первый раз слышу об этом.

В.З.: Я разговаривал с **Ульяновым**: это – вранье, белиберда полная. Я спросил его однажды по-товарищески, он говорит: «Да ты что, ничего, никогда».

– А я никогда об этом не слышал.

– Я согласен. Деньги ведь обычно как-то проявляются, видны на человеке, если так можно сказать. Глядя на Ульянова, никогда не скажешь, что он – какой-то крупный акционер...

– На мне вот видны, раз я езжу на казенном «Ниссане»... Люблю хорошие машины, но возможностей нет... Ладно, не будем прибедняться. Дальше. СТД является учредителем Дома актера. **Маргарита Александровна Эскина**, проявив недюжинные способности и талант, сумела сохранить этот дом, даже когда его хотело забрать Министерство культуры... Она сумела создать автономную от СТД организацию. Это – правда, мы никакого непосредственного влияния на Дом актера не имеем. Поэтому и хотим иметь здесь свой Культурный центр. Но Дом актера, когда мы были в одном здании, был чем-то тоже другим. **Эскину** понять можно и только приветствовать ее усилия и победу: она сохранила Дом актера, кабинеты существуют, семинары проводит, Дебют-центр есть, актеров чествуют, вывозят, в том числе и молодых, она помогает пенсионерам, больным... За счет чего? За счет содержания Дома актера. Деньги Союзу она не дает, но и не просит ничего у нас.

Но мы в нормальных отношениях с **Маргаритой Александровной**, она – секретарь Союза. Вместе мы что-то делаем. Вообще делаем одно дело. Она старикам помогает, устраивает обеды. За счет чего? Иногда, я скажу тебе, очень важно бывает уметь не влезать в какие-то дела. Любопытство, конечно, всех раздирает... Особенно если ты начальник, и вот: я – начальник, так покажи мне, что там у тебя в кармане... Нет, не надо.

Центр имени Мейерхольда. Тоже мы являемся учредителями – идеологически опять-таки. Поскольку юридически они абсолютно самостоятельны, это совсем уже другая структура. Финансово. Она сегодня может нас называть, завтра – не называть, все тоже от многого зависит. Но к нам они уже не имеют никакого отношения. Кроме того, что мы их когда-то учредили. Там уже совсем по-другому распределились голоса, мы там имеем, условно говоря, один голос, остальные – у них, все решения поэтому принимаются ими. Мы им сдали нашу собственность, за которую они платят аренду. Они нам помогают в этом отношении, поскольку найти арендатора сейчас не так-то просто. Построят они свое здание, уйдут, придется искать кого-то другого. **Фокина** ругают за то, что он строит свой центр. Неважно, **Фокин** это или кто-то другой: что плохого в том, что в Москве появляется еще одно театральное здание?! Сейчас во главе – **Фокин**, будет Иванов, но здание театральное сохранится, с замечательной театральной площадкой, где раздвигается потолок, сдвигается сцена... У нас было совещание, мы говорили о том, что в Москве нет ни одного современного театрального здания. Катастрофа! Ты же много ездишь, видел, какие в мире театры. И я тоже видел. Замечательные – по свету, по машинерии, по всему... Когда мы во МХАТе смотрели, как там будут подниматься квадраты сцены, мы не могли представить, что может быть что-то еще более современное. На Западе это тогда уже был прошлый век. Построили театр **Колобову**, но сама сцена, как мне кажется, не современная. И приходится все время пробивать, просить: дайте нам свет, дайте звукоаппаратуру... Если появится в Москве Мейерхольдовский центр с раздвижной-задвижной площадкой – дай Бог!

Я всегда говорю: хотите считать деньги – идите в соответствующие органы, на каждого есть свое КРУ. Я не буду этим заниматься. Ответственен ты перед детьми или перед **Починком** – это твое личное дело.

– Плохо, что в начале этого дела – смерть «Творческих мастерских». Остальное все, наверное, лучше.

– Я хочу их возобновить. Это надо сделать. Это у меня записано. Гриша, разживемся, запомни, это – одна из моих болей. Благодаря «Творческим мастерским» жизнь была другая. **Мирзоев** появился, нравится он кому-то или не нравится, и **Мокеев**, и так далее... А еще одна площадка – это хорошо.

– А что СТД будет делать, чтобы решить ситуацию с безрежиссерьем в Театре на Малой Бронной, или в Театре имени Рубена Симонова, или в Театре Станиславского? Могу, как вы понимаете, перечислить еще десять–двадцать...

– *(Смеется.)* Гришенька, ничего не будет делать. И не может делать. Идейно мы вместе, но юридически мы отдельно. Союз театральных деятелей идейно вместе – и с членами СТД, и с не членами. Моя обязанность – любого, кто находится здесь, – заботиться, оберегать завоеванное и постепенно еще завоевывать что-то. Закон о театре... Каждый раз какой-нибудь чиновник нагадит, наступит и отдавит ногу... Но это все из круга идей. Как что-то нас касается – мы бежим, жмем, пишем президенту.

Осенью должна быть режиссерская конференция. Отсутствие режиссеров – это проблема номер один... Талантливые режиссеры – они что, всегда были в большом количестве? Их всегда было раз-два-три-четыре... В Ленинграде, куда я юношей ездил, были **Товстоногов**, раньше еще – **Акимов, Фоменко**... Все. Старики зажимали молодых. А сейчас посмотрите, какая у нас «ленинградская школа»! **Бутусов, Козлов**... Все там нарасхват, все заняты. И в Москве была всегда проблема с режиссерами. И всегда будут, выдающихся, великих всегда мало. А вот собираться, устраивать семинары – это мы можем. И должны делать. Я тебе сказал уже, что есть у меня мечта – возобновить «Творческие мастерские». Практическим способом. Хоть перед съездом, хоть после, но я это сделаю.

– Теперь, если можно, про журнал «Театр». О том, как важно возобновить издание «главного» театрального журнала, говорилось очень много, в том числе и на прошлогоднем театральном форуме. Но в итоге споры все шли не о том, каким быть журналу, а о том, кого посадить в кресло главного редактора. С настойчивостью, достойной, как принято говорить, лучшего применения, СТД пробивал Валерия Семеновского, который до того успешно загубил журнал «Московский наблюдатель» и сопутствовавший ему журнал «Разгуляй». Имея в то время целую типографию, он не сумел сохранить журнал, который не выходил даже тогда, когда денег было достаточно. В России, правда, так всегда: человек, который провалил одно дело, может рассчитывать только на повышение... Неужели нельзя было устроить конкурс?

– С чем бы сравнить... На съезде мною были даны какие-то обязательства. Что-то выполнено, что-то – нет, что-то не удалось в силу каких-то обстоятельств, что-то не удалось из-за того, что, может быть, умения не хватило. Один из пунктов был – о возобновлении выпуска журнала «Театр». Мы так долго к этому шли... Я очень хорошо отношусь к любой другой фамилии, которую ты назовешь, и в том числе к **Семеновскому**, ни о каких внутренних разборках я не слышал, а что-то только потом узнал. Но честно тебе скажу, когда наконец-то появилась такая возможность, и когда тогдашний министр культуры **Егоров** дал добро, и когда мы заключили договор с Министерством культуры – кто из нас какие деньги дает, какие деньги надо будет искать еще на стороне, и зная предысторию – как здесь сидел **Шуб**, а известный продюсер **Воропаев** обещал золотые горы, а журнал сдох после первого же вдоха – после первого номера, – когда наконец-то это произошло, я не хотел во все это уже вникать. Главное, что вышел журнал. Очень важно посмотреть на первые номера, чтобы понять: мы туда плывем или не туда. Это то, что мы хотели, или не то. Плюс, конечно, и финансовое положение будет проверено.

Я не хотел бы, честно тебе скажу, задумываться, чем плох **Щербаков** или чем он хорош, и проводить сравнительный анализ между **Щербаковым, Любимовым, Семеновским** мне не хотелось. Все они талантливые люди, и каждому из них можно доверять.

– А почему? Почему даже в таком простом вопросе нельзя было провести конкурс? Ведь это не «Связьинвест», тут нет таких уж серьезных финансовых интересов... Почему такая безальтернативность при наличии многих достойных кандидатур? Говорят, что Егоров сопротивлялся, в результате, насколько мне известно, пришлось воспользоваться связями в администрации президента.

– Почему же безальтернативность? Опять – слухи, говорят-говорят... Тот же **Егоров**, к которому я безумно до сих пор хорошо отношусь, мне говорил: «Александр Александрович! Ну сколько же льют на N.!» – не хочу называть фамилию. Когда я это услышал – а мы сидели у него за столом: я, **Захаров, Тараторкин, Смелянский**. Четыре фамилии были названы, и все четыре были помазаны грязью. Но как! В том числе и **Семеновский**. Еще пять фамилий назовем – ну и что? Найдется еще пять доброжелателей, позвонят тебе, председателю Союза, скажут: ну зачем же его, он же все загубит... Понятно было, что всем не угодишь, все равно бросят камень, закидают помидорами и яйцами. Но давайте мы сначала сделаем, а потом уже или получится, или пусть обливают грязью, говорят: вот она, Калягин, твоя ошибка. Я готов это скушать потом. Но так хочется, чтобы журнал родился!

– Есть еще один миф. Будто бы среди десятков московских муниципальных театров есть три, которые постоянно, а не от случая к случаю получают деньги в обход Комитета – то есть напрямик от московского правительства. Это «Ленком», любимовская Таганка и театр «Et cetera». В конце 99-го года специальным поручением вашему театру было перечислено 70 тысяч долларов на постановку спектакля Морфова «Дон Кихот» – в дополнение к уже оплаченным постановочным расходам. Для московского театра – хорошего, не среднего и находящегося на хорошем счету в Комитете по культуре (что, как водится, не одно и то же) – получить в год 22–30 тысяч долларов на все премьеры (можно две, можно три-четыре) – большое счастье. Вообще-то речь идет о 20 тысячах, но если долго и нудно просить, используя разные хитрости, можно дотянуть и до 30.

– Гриша, это вранье.

– Но насчет преимущественного финансирования – вряд ли. Это даже не тайна. В докладе, подготовленном группой ведущих экономистов, специалистов в области театра, это видно из приведенных таблиц, а они составлены по официальным данным. Еще год назад ваш театр получал больше многих московских академических.

– Миллион семьсот – последняя цифра, она на уровне прошлого года, – это то, что мы имеем на постановки в этом году. Приглашай ты **Стуруа** или не приглашай, ремонтируй декорации или не ремонтируй – вот наши деньги. Поступают они частями, не сразу. Вся остальная наша жизнь – согласно штатному расписанию.

– Есть ли что-нибудь, о чем вы жалеете? За те годы, что вы ввязались в те несколько крупных проектов – организация своего театра, совмещение этой работы с работой председателя СТД... Может быть, считаете, что что-то делать было не надо?

– Я очень хорошо понимаю, что поезд идет, что моя жизнь включена в какое-то движение, в этот ритм... Поезд может то замедлять ход, то убыстрять, то мчаться – но он идет. В этом ритме, в этом образе поезда, в котором я сижу, или я им управляю, или я и есть этот поезд, – и вдруг нажимать на стоп-кран, говорить себе, что я категорически неправильно сделал что-то в жизни, заниматься каким-то глубоким самоанализом я не могу. Это не значит, что я не вглядываюсь в себя, но происходит этот самоанализ по ходу движения, иногда он на секунду бывает очень глубок, но он не позволяет мне все равно повернуть обратно или нажать на стоп-кран. Я всегда так говорю и сейчас скажу снова: ни моя жена, ни мои дети не должны знать всех болей, которые я испытываю, что я терплю в жизни. Видимо, в этом достоинство мужчины, который не имеет права расслабиться. Если родился кто-то, нельзя уже говорить: ах, не надо было рожать. Все, поезд идет, это уже произошло... Понятно, да? Так и роли цепляются одна за другую. Так во всем – от философских каких-то вопросов до бытовых. Есть вещи, видимо, о которых можно было бы жалеть... Ну, вот первое попавшееся, к примеру: мне очень жалко, что мой родной любимый Художественный театр, в котором я испытал лучшие актерские мгновения своей жизни, в котором я встретил счастье свое театральное в лице потрясающих режиссеров – **Эфрос, Гинкас, Ефремов** и так далее, – он развалился. Я очень жалею, что произошел раздел Художественного театра. Я это говорю, как сын жалел бы о том, что разошлись родители. Но жизнь идет... Так получилось. Мне больно до сих пор. И эта незаживающая боль по отношению к Художественному театру настолько меня мучила, эта рана настолько кровоточила, что мне надо было во что-то себя кинуть. Не скажу, что это счастливый случай – делать театр, может быть, это отчасти глубоко несчастный случай – я не рожден быть ни директором, ни художественным руководителем... Со временем я как-то свыкся с этим. Но поначалу это был... трудовой хлеб. Если я о чем-то и жалею... только подушка по-настоящему знает то, что я о себе думаю. Если говорить вообще... Очень трудно открываться... Ну что мне жалеть, например, о том, что я был идиотом в 25 лет, в 67-м году, а в это время у меня родилась дочь?! Я был не готов еще к этому, даже материально... Все мы любим себя жалеть, это прекрасное чувство по отношению к себе. Я не выношу, когда меня жалеют, человек сам должен себя мучить. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Александр Александрович Калягин родился в 1942 году в г. Малмыж Кировской области. В 1965 году окончил Театральное училище им. Б.В. Щукина, в 1965–1967 гг. работал в Театре на Таганке, следующие четыре года – в Театре им. Ермоловой, с 1971 г. по настоящее время – во МХАТе им. М.Горького (после раздела остался в «ефремовской» половине). В кино снимается с 1970 г. Самые известные роли – в фильмах «Преждевременный человек», «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Эзоп», «Здравствуйте, я ваша тетя!», «Мертвые души», «Последняя дорога», «Прохиндиада...», «Игроки». Самые значительные роли в театре – в спектаклях «Записки сумасшедшего», «Жизнь Галилея», «Мы, нижеподписавшиеся», «Тамада», «Так победим!», «Тартюф», «Живой труп», «Игроки», «Старый Новый год», «Чешское фото», «Дон Кихот». В октябре 1993 г. основал и с тех пор руководит театром «Et cetera». Народный артист России. Председатель СТД РФ.